

Сергей Гуреев

Мой удивительный февраль. Том 1

О личном и вечном

Сергей Гуреев

**Мой удивительный февраль.
Том 1. О личном и вечном**

«Издательские решения»

Гуреев С.

Мой удивительный февраль. Том 1. О личном и вечном /
С. Гуреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836825-7

Первая книга — «О личном и вечном» — открывает цикл из пяти книг под общим названием «Мой удивительный февраль», в которых собраны самые лучшие стихи и песни, посвящения и репортажи с различных фестивалей, написанные почти за 40 лет творческой жизни. Здесь представлены стихи о Сибири, о моём любимом городе Томске, о семье, а также размышления о жизни, о поэзии как молодого, так и теперь уже умудрённого опытом человека.

ISBN 978-5-44-836825-7

© Гуреев С.
© Издательские решения

Содержание

Дорогие друзья!	6
Знакомство от автора	8
Глава 1. Просто я здесь живу	9
О Томске	10
Предновогодняя ночь	10
Годы студенчества	11
Молодой специалист	12
Мужики	13
Медсанчасть №25	14
Интимная радиоактивная	16
Плачь по науке	18
Родословная	21
Северный друг	23
Сибирь	24
Университеты по-братски	26
Болото	28
Забывтый сквер	29
И снова Кемерово	30
Двойной вальс	32
Триады	34
Старый Томск	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мой удивительный февраль. Том 1 О личном и вечном

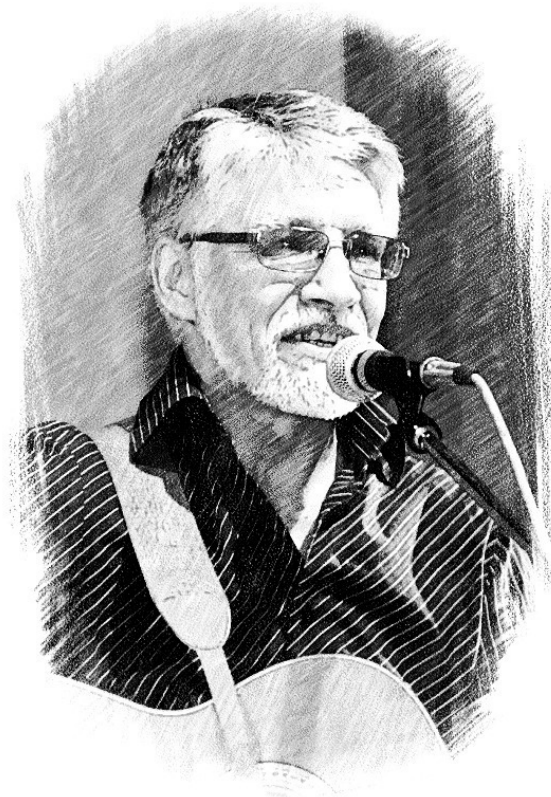
Сергей Гуреев

Рисунок на обложке и все фотографии в книге автора

© Сергей Гуреев, 2017

ISBN 978-5-4483-6825-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие друзья!

Я искренне рад новой встрече с вами. В цикле стихов и песен «Мой удивительный февраль», который впервые выходит сразу в пяти томах, собрано лучшее, что мне удалось написать за более, чем 40 лет трудного, но очень интересного творческого пути. Почему февраль, да еще удивительный? Всё очень просто – я родился в феврале, и он для меня самый лучший, самый трогательный и самый увлекательный месяц в году.

Название первой книги «О личном и вечном» говорит само за себя. Здесь представлены стихи о Сибири, о моём любимом городе Томске, о семье, а также размышления о жизни, о поэзии как молодого, так и теперь уже умудрённого опытом человека.

О себе писать всегда не просто. Поэтому предоставлю это право моим друзьям.

«...Как, всё-таки, удивительно и необъяснимо отношение человека к стихам. Ещё в детстве все нормальные люди их недолюбливают, приходят в ужас от поэм и не понимают, для чего в жизни может пригодиться какой-нибудь «ямб» или «хорей»?»

Однако с возрастом, нет-нет, да и заглянешь в чей-нибудь зарифмованный томик, а то и сам чего-нибудь этакое натворишь. Поскольку, почти каждый нормальный, тем более ненормальный человек пробовал как минимум поиграть в «буриме» или с трудом придумать рифму на слово «пакля», то большим уважением и почитанием пользуются люди, у которых *это* получается легче, красивее, точнее, образнее, интереснее, смешнее, остроумнее, актуальнее...., короче, получается.

У *Сергея Гуреева это* именно так и получается.

Вы никогда не встречали в его стихах или песнях строчки о себе? Значит, Вы пока ещё не были объектом его посвящений. А это так приятно: всё без яда и злобы – и обидеться хочется, и не на что.

А слабо Вам пытаться в одном темпе с ним что-нибудь сочинять? И не пытайтесь. Иначе Вы очень быстро почувствуете себя творческим импотентом. Он же пишет на любую тему, с любой скоростью и в любых условиях!

Поэтому его стихи обижают. Обижают тем, что ты сам так никогда не напишешь и не скажешь. Обижают какой-то своей недостижимостью и непредсказуемостью. Неожиданные рифмы, не стандартные сюжетные повороты с одновременной легкостью сочинения – дар редкий. Дар, так удачно и своевременно данный очень хорошему человеку».

Сергей Кудряшов

Вадим Кусков

«Друзья! Если вместо привычного тёплого гамбургера Вам в руки случайно попала книга Сергея Гуреева, то не пытайтесь всё сразу запивать пивом или самим что-то в ответ настроичить. Автор, казалось бы, серьёзный человек, полдоктора наук, дед семейства, есть, что обдумать, что постирать, а туда же – ухватился за перо и давай рифмованно выражаться. И было бы понятно, когда бы мы все по стихам с ума сходили. А то ведь большинству из нас любовь к поэтическим словесам ещё в глубоком детстве прищемили.

Затрудните себя взглядом на портрет автора. Что мы видим? – нос накладной, аккуратные борода и усы явно приклеены, и только случайно забытые на носу очки выдают в нём недюжинный талант орнитолога, наделённого поэтическим даром.

Вы что сейчас подумали, что наука потеряла, а поэзия приобрела? Ничего подобного! Никто ничего не приобрёл, а потеряли как раз те, кто ещё не читал, не слышал и не привлекался. Чего отвернулись? Это я вам! Вы что, так и будете стоять на обочине или бродить по тёмным, глухим задворкам? Хлебаните из источника, пока он здесь и недорогой. Может быть, потом спохватитесь и будете локти друг у друга кусать.

И ещё. Прежде чем изображать из себя умного розовощёкого критика, морщить нос, закатывать глаза и заламывать руки, пойдите вкопайте дерево, квартиру отремонтируйте, сына отшлёпайте, короче – выполните своё жизненное предназначение. А потом сядьте вечером с этой книгой, и окунитесь в мудрую, весёлую, ироничную и неожиданную поэзию, чтобы не засохнуть».

Фёдор Красноярров

От себя лишь добавлю, что для того, чтобы каждый смог выбрать что-то для себя и не листать всё подряд, я разбил все произведения на тематические разделы, а внутри разделов расположил от более ранних, к самым поздним, по сути сегодняшним. Впрочем, если Вы всё-таки осмелитесь прочитать или хотя бы полистать эти книги, то прекрасно во всём разберётесь сами.

Все люди, в общем, как карандаши —
Кто пишет, кто тупит, как будто спьяну.
А чтобы это было от души,
Затачиваться нужно постоянно!

Всегда ваш,
Сергей Гуреев

Знакомство от автора

Знакомство – это наука. Здесь всё закономерно и состоит из одних исключений. Поэтому знакомиться нужно уметь, а если умеешь, то пересмотреть всё заново и пойти другим путем, чтобы тебя не обошли конкуренты.

Знакомство – это искусство. Как известно – искусство принадлежит народу, а народ и партия едины! Что же тогда знакомство?

Знакомства бывают разные – с этой стороны, сверху вниз, исподволь и в общественном транспорте: «Ой, вы мне на ногу наступили! ... Да? А где вы живёте?».

Знакомства бывают случайные и планируемые. Случайных принято избегать, а на планируемые не остается времени из-за случайных.

Иногда знакомства приносят плоды. Их берут и несут для нового знакомства, новые знакомые передают их ещё дальше. И так по цепочке они возвращаются к вам вместе с налоговой инспекцией. Тогда все садятся и знакомятся уже там. Такие знакомства называются длинными.

Кроме длинных бывают затянувшиеся знакомства. Эти, как семечки: и бросить жалко и от одного вида мутит. Поэтому знакомых всегда больше, чем друзей. Друзья – это близкие и очень близкие знакомые. Значит, бывают дальние и очень дальние. Это, как дальние родственники: о них вспоминают, когда надо, а они приезжают, когда о них уже забыли.

Знакомства бывают личные и общественные. Личные делятся на случайные, о которых сказано выше, деловые и просто для души. Деловые знакомства обычно заканчиваются ни чем, часто приводят к длинным, о которых тоже сказано выше, и очень редко – к государственной премии. Последние иногда перерастают в дружбу и передаются по наследству, причём не только по прямой линии, но и через интернет.

Знакомства для души – самые приятные, начинаются на теннисном корте или в сауне и заканчиваются взаимным уважением. Поэтому взаимно уважаемых людей с каждым годом становится всё больше.

Общественные знакомства происходят чаще всего в рабочее время и на свежем воздухе, иногда на стадионе. Эти знакомства всегда массовые, когда массу незнакомых людей приглашают познакомиться с одним, который лично ни с кем не знаком, но все ему аплодируют.

Ещё знакомства бывают подготовленные и с первого взгляда. Подготовленные осуществляются родителями, бизнесменами и специальными органами, и могут закончиться свадьбой, квартирой, контрактом, сделкой или опять превратиться в длинные.

Знакомства с первого взгляда бывают «до» и «после», причём «после» гораздо реже, чем «до». Поэтому знакомства с первого взгляда не всегда приводят ко второму, а тем более к третьему.

Как же нужно вести себя во время знакомства?

Прежде всего, не надо волноваться, когда с вами хотят познакомиться – не все же у нас после сорока и не замужем.

Тем более не надо бояться, когда с вами хотят познакомиться поближе – не все же у нас в штатском и с удостоверениями. Во всяком случае, делайте вид, что вы именно так и думаете.

Наконец, совершенно не стоит пугаться, если вы вдруг сами захотели познакомиться. С кем не бывает. Только не нужно писать о себе хуже, чем в ваши шестьдесят с детьми, внуками и острой сердечной недостаточностью.

И последнее: при знакомстве не старайтесь всё сразу узнать о собеседнике, тем более всё рассказать о себе, иначе оно на этом и закончится, даже не успев начаться. Предоставьте эту приятную обязанность вашим друзьям. Они всегда помогут.

И давайте уже знакомиться!

Глава 1. Просто я здесь живу

О Томске

Чтоб не писали исторически
О Томске в прежней суете,
Он русский центр географический
По широте и долготе.

Как бы сейчас его не мерили,
Обрезав с каждой стороны,
Какой он раньше был губернией?!
Почти шестая часть страны!

На севере дружил он с ненцами,
На юге уходил в Китай.
На Енисее с поселенцами
Он корчевал таёжный край.

Четыре века, как мгновение,
Во глубине сибирских руд
Храним тепло и вдохновение,
Терпенье и не скорбный труд.

Наш город – он живёт размеренно,
Не царь, не бог, не господин.
Вокзалов по стране не меряно,
Но есть любимый – «Томск один».

И вот сегодня в новом качестве
Звучат знакомые слова:
В Москве есть томское землячество,
А в Томске – теплоход «Москва»!

Предновогодняя ночь

Я уйду опять в громаду ночи,
Наплевав на завтрашний зачёт.
Прокричу с обрыва, что есть мочи
Трижды, через левое плечо.

Выверну всю душу наизнанку,
Чтоб никто не завернул назад.
Заскулю как старая шарманка
И растаю в собственных глазах.

Снег колючий загребу рукою,

Сам себе за шиворот впихну.
С наслаждением, словно с перепоею
Смог морозный в лёгкие вдохну.

А когда умчится в бесконечность
Этот старый високосный год,
Я вернусь домой, расправив плечи,
Проскрипев засовами ворот.

декабрь 1976

Годы студенчества

**биолого-почвенному факультету ТГУ,
1972—1977**

Бузы опять нас зовут листопадом,
Тёплым дождём, обещая награды.
Ранним морозом, ударив без счёта,
Снегом в лицо налетают зачёты.

Закостенела в нас наша учёность,
Важность проела до самых печёнок.
Модный портфель крокодильевой кожей
Корчит солидные умные рожи.

Годы студенчества. Мы их теряем,
Кичась высоким своим положением.
Мудрым речам свои души вверяем,
Требую почестей и уваженья.

Бросьте. Очнитесь. Панамы наденьте.
Станьте детьми, даже если с усами.
Годы студенчества – это, поверьте,
Самые лучшие, самые, самые!

1976

Молодой специалист

Всё прекрасно в этом мире:
Строим больше, строим шире.
Я летаю по Сибири
Как по ветру жёлтый лист.
В Конституции Союза
Я читал, – кончайте вузы.
Но лежу балластным грузом —
Молодой специалист.

Но только тихо, тихо, тихо уплывают поезда,
И на них, на них, на них я уезжаю в никуда.
Чтоб найти себе работу,
Где свободная суббота,
Где различные заботы
Не затянут нас в болото.
Где семейный есть уют.
Где квартиру мне дают!

Ну, чего казалось проще,
И не нужно даже тётци.
Есть же право на жилплощадь,
Даже целая статья!
Только сокращенье штатов,
Как и в пресловутых Штатах,
Окатило из ушата,
Без квартиры снова я.

Только тихо, тихо, тихо уплывают поезда.
И на них, на них, на них я уезжаю в никуда.
Где в науку есть дороги,
И не крупные налоги,
И домашние тревоги
Не затянут нас в берлогу.
Где живёт старушка-мать,
Чтобы комнатку снимать!

Мне твердят: – «К чему дебаты,
Шёл бы лучше ты в солдаты!»
Только, братцы, я женатый,
Чем ячейку-то кормить?
Мне профессора бы папу,
Иль хотя бы чью-то лапу,
Чтоб завидовать стал Запад
Месту, где мы будем жить.

Только тихо, тихо, тихо уплывают поезда.
И на них, на них, на них я уезжаю в никуда.
Да, хотел бы аспирантом,
Ну, хотя бы лаборантом,
Ну, хотя бы практикантом,
Ну, хотя бы просто кадром,
Ну, хотя бы так, как Вася...
Койко-место?
Я согласен!

сентябрь 1977

Мужики

Мужики...
Мужики в телогрейках, лопаты прогрев,
Убирают картофель с полей.
За окном облетает сентябрь с дерев,
А на книжке 500 рублей.

И только мужики...
Мужики на базаре свинину дают,
У меня лишь из дырок филе.
Журавлём улетает октябрь на юг,
А на книжке 200 рублей.

И только мужики...
Мужики с дробовыми ждут первой куржи,
Изготовясь на диких кролей.
И подтаявшим снегом ноябрь лежит,
А на книжке 20 рублей.

И только мужики...
Мужики на печи дружно давят клопа,
Накормив комбикормом курей.
И крещенским морозом декабрь упал,
А в кармане 8 рублей.

И все это мужикам...
И последнюю трешку упрятав в рукав
С сухарём из пшеничной муки,
Не найдя себя в бардовских этих кругах,
Собираюсь уйти в мужики.

1977

Медсанчасть №25

или история о том, как освободиться от службы в армии с помощью известных авторов

Не философствуйте в экстазе,
И не ищите громких слов.
Причинно-следственные связи,
Единство и борьба умов.

Как по закону диамата,
Нет, не забыть мне это впредь,
По воле райвоенкомата
Залёг в больницу как медведь.

Ох, эти дни мои – цветочки,
Палат больничных нервный блок!
И муха надоевшей точкой
Насиживает потолок.

Здесь полосатые пижамы
Как отшумевшие хлеба,
Здесь по совету Окуджавы
«Не убирают ладони со лба...»

Здесь веет всё целебным духом
Лекарств и наших и других,
Вот если б Кукин то понюхал,
Куда там запахам тайги?

Здесь ежедневно процедуры
Болезных возвращают в строй.
Узрел бы это Визбор Юра,
«Он забросил бы всё,
Он бы стал медсестрой...»

Таблетки здесь дают на лапу,
Не различая по полам,
И лица шлёпаются на пол,
И режут жизни пополам.

Здесь по ночам бледнеют лица,
Слабеет дух, слабеет пресс,
Здесь сам себе бы Городницкий
Давно б поставил «Южный Крест».

Здесь от знакомого движенья
Стерильный шприц волнует кровь,
Как божество, как вдохновенье,
Как безответная любовь.

Здесь не работают налево,
А что до пьяных вечеров,
То и Егоров без сугрева
«Панамку не носил бы
и не заплывал Пьеро...»
Здесь под матрасы стелют доски,
Храня больничный этикет.
Наверно, так вот Саша Дольский
Открыл свой «фирменный букет».

Сверяют лишь температуру,
А что до песен и до струн,
То Ланцберг сам, «вертись как дура»,
Не прикоснулся бы к перу.

Вот у Никитина был ёжик,
Он с ёлками дружить хотел,
А здесь у нас какой-то тоже
Всё фистулой в боку свистел.

Еда на нас не давит грузом,
Здесь все из каши и муки,
Ну а про то как «водит пузы»
Расскажет лучше Юлий Ким.

На воздух здесь закрыты двери,
И навевает всё тоску.
И жаворонок, я уверен,
От грусти спел бы лишь «Ку-ку!».

Иль Вахнюка спросить хотя бы,
Он согласился бы со мной: —
«Кругом медсёстры, кругом медбабы,
а обыкновенной – ни одной...»!

Здесь по утрам нас рано будят,
И банку в руки, чтоб сходил...
Ой! «Не буду, не буду, не буду, не буду,
Вон она какая большая, а я один».

Здесь осаждают туалеты,
Пока анализы не сдал.
И Туриянский, зная это,
На катафалке б прискакал.

И написал бы хулигански
На стекле карандашом: —
Это сдал В.Л. Турьянский,
Получилось – хорошо!

А мне сдавать, уж, нету мочи,
Но только вот какой нюанс:
Коли в солдаты ты не хочешь,
То только здесь – «Последний шанс».

И как ворона, и как лошадь,
И как «принцесса во лесу»
Сию ужаснейшую ношу
Прекрасно я перенесу!

Нет, не пристанет к нам зараза,
Уколов непрерывный ток,
И часть спины, точнее таза,
Напоминает решето.

Гипноз терзает мою душу,
В рентген гляжу я как в окно,
И всё, что я когда-то скушал —
На весь экран укрупнено!

И через день, через неделю
Я сам – сестра, я сам – больной.
И вдруг узнаю еле-еле
Того, кто был когда-то мной.

Дождусь ли я когда, не знаю,
Последних несколько минут,
«Когда на что-то намекая,
Когда на что-то намекая,
Меня отсюда унесут»...

Новосибирск 1977

Интимная радиоактивная городу Северску

Всё как-будто по заказу,

Чем-то хлынуло с полей.
Неужели с этим связан
Славный Томский юбилей?

Разнеслось весенним светом,
Грянул гром – живём пока.
И с Почтового с приветом
Налетают облака!

В страхе вздрогнули японцы,
Криком воеет «Би Би Си».
А у нас над Томском солнце,
Пейте, братцы, «абисиб»!

Пейте разом, пейте дружно
Из своих могучих сил,
Ведь кому-то ж это нужно,
Чтоб реактор тут дымил!

Если где у них рвануло,
Всюду новости пестрят.
А про нас, куда б не дуло,
Ничего не говорят.

Море черноморских пляжей
Не заменит этот хлоп,
Мы в Сибири выпьем, вмажем
И выводим изотоп!

Мы привиты все с пелёнок:
СХК, Кузбасс, КАТЭК.
«Там у них народ ядрёный»,
Убеждает МАГАТЭ.

Там без смога и без смака
Не живут четвёртый век.
Ну, облезла та собака,
Так она ж не человек.

Ну, накрыло три деревни,
Ну, пол мира рот раскрыл,
Так на то и край передний,
Правда, с заду от Москвы!

Ветер как посланник божий
Дул на север, не на юг.
Дунуть мы и сами можем —
Выпьем водки, лысый друг.

Выпьем, лысая подруга,
Выпьем снова, ляжем ниц,
И звенит, звенит округа
Гаммой маленьких частиц.

И бреду полураспада
Словно в клетке бьётся мысль:
Это ж сколько выпить надо,
Чтобы дети родились?!

апрель 1993

Плачь по науке

Всё начиналось хорошо...
Вот только по какой причине,
Почти не изменив личины,
До преждевременной кончины
Научный коллектив дошёл.

Нет. Не физической, моральной,
Утратив веру в новый день,
Нищаем профессионально,
Ничто не стоя материально,
Кроме несбывшихся идей.

Кто ж знал, когда на наш престол
Мы их недавно выбирали,
Что, развиваясь по спирали,
Наука вновь придёт к опале,
Едва преодолев застои?

Кто ж думал, что благой порыв
В новоиспеченной России
Не только не взойдёт Миссией,
А лишь бескровно обессилит
И лопнет, как гнилой нарыв?

Свежо преданье, жизнь – табак!
Мельчают люди в нашем мире
На этом очумелом пире.
Что толку, что у нас в Сибири
Собрался лучший генный Банк.

Не зря в наследство нам досталась,
Окрепшая в тени веков,
И та казацкая удалость,
И декабристская усталость,
И пьянство диких остяков.

Но этот мощный наш резерв,
В своём ресурсе нескончаем,
Москвой в упор не замечаем,
Реализуется случайно
И ясен, разве что, козе.

Кто верит в наш потенциал,
И в новый корпус под горою?
Да. Мы теперь не ходим строим,
Но нас в любой момент закроет
Чиновник, тот, что правит бал.

Провинция! Вот наш удел.
Бюджета здесь совсем не стало,
И с грантов нам не перепало,
И Фонды те, каких немало,
Творят столичный беспредел.

Во глубине сибирских руд,
Храня извечное терпение,
Мы на остатках вдохновения,
Переходящем в отупение,
В пустой приходим институт.

В корзину брошены идеи,
Проекты в пыльных закромах,
Уже надежды не имея,
Встречаем только юбилеи
И зябнем на похоронах.

В тупом каком-то исступлении
От постоянной нищеты
По высочайшему велению
Доходит наше поколение
Почти до финишной черты.

Так рано. Только что прозрели

И только вышли на простор.
Как мало мы ещё успели,
Как много совершить хотели,
Когда б не нынешний позор.

Позорно прозябать плачевно,
Словно отвергнутый изгой.
Позорно ощущать никчемность
Своих научных и учебных
Профессий, знания, мозгов.

И детям отвечать позорно,
Что вся наука, как не жаль,
Без пониманья, без надзора
В своей Отчизне беспризорна,
Как позабытая межа.

Отдав квартальную зарплату
За пару пачек сигарет,
Мы ощущаем, как растрату,
Невосполнимую утрату
Усилия последних лет.

И в состоянии обречённых
Уже не в силах повторять,
Что может собственных учёных,
Своей рукою наречённых
Российская земля терять...

Кто сможет, выбрав в жизни жёлоб,
Пройти, не опуская рук,
Весь путь бесплатно напряжённый
От институтского стажёра
До званья доктора наук?

Кто сможет одолеть сомнения
В полезности его труда?
По высочайшему велению
Уходит наше поколение
Прочь из науки, кто куда...

Чтоб что-то вылепить из глины
И не сидеть опять промеж,
От нефтегазовой «малины»
До силиконовой долины
Обогащая зарубеж.

Но скоро уж придёт покой.
Когда мы горсть земли богатой
С остатками своей зарплаты
На крышу нашей «alma mater»
Швырнём уставшею рукой.

Сей шаг предписан на роду,
От обстоятельств, не от скуки,
С мечтой о том, что наши внуки
На мощах вузовской науки
Младую порослью взойдут.

И всё ж, в столь грустные минуты
Мы верим – в будущем страна
Осилит рыночную смуту
И на обломках института
Напишет наши имена!

1995

Родословная автобиографическая

Не приучен наш народ
Быть с семейным древом.
Где мой корень? Чей я плод?
Из какого чрева?

Из которых я кровей,
Где вы, бабки-дедки?
В биографии моей
Не хватает предков.

Кто основу заложил,
По чьему примеру

Октябрёнком с детства жил,
Позже – пионером?

Ни с французским не знаком,
Ни с татарским игом.
Один дед был кулаком,
А другой – комбригом.

Не в моём роду князья,
Это безусловно.
Боже правый, кто же я?
Кто по родословной?

Кто создал моё чело,
Кто – семья и школа?
Или город и село?
Или серп и молот?

Не срастался я с Литвой.
Не братался с немцем.
Не прижился корень мой
С остяком и ненцем.

Нет в истории моей
И казацкой шири...
Неужели я еврей
Западной Сибири!?

Азиатом я не стал,
Европейцем – тоже.
Видно аист заплутал
С моей тяжкой ношей.

Чахну я день ото дня,
Весь закис от грусти.
Может быть, нашли меня
В квашеной капусте?

Может, вышло так само,
Без семьи, без роду
На себе нести ярмо
Целому народу?

А ответ совсем простой,
Общий, а не личный —
Породил меня «застой»,
Скушав литр «Столичной».

Потому на всех похож

Я «системасиськи»
Среди наших милых рож
Нищенских, российских.

Потому, который год
Под диктовку, внятно
Слово «русский» весь народ
Пишет в пункте пятом.

Я простой ингредиент
Всей советской хрени,
Как гнилой интеллигент
В первом поколении.

Даже выброшен за борт
Хромосомным грузом,
Я – прижизненный аборт
Бывшего Союза!

Вот и корчу сироту
От такой нагрузки.
Может, внуки прорастут
Среди новых русских?

Может Рак или Телец,
В смысле гороскопа,
Им поможет, наконец,
Выбраться из ж...?

январь 1995

Северный друг муз. А. Пономаренко

Отблеск утра в свете костра.
Вся наша жизнь словно игра,
Новый мотив день подхватил,
Слушай.
Так, не о чём струнный каприз,
Будто ключом северный бриз
Как гамаюн вновь по мою
Душу.

Радость моя. Слабость моя. Сила.
Пальцы дрожат в крепком пожатье рук.
Сколько уж раз, где бы нас не носило,
Выпьем с тобой, северный мой друг.

Бег, а не шаг. Годы спешат.

Всё тяжелей жить не греша,
И на столе вянет в стекле
Роза.
Я не хочу на пьедестал,
Больше молчу, просто устал,
Давит меня каждого дня
Проза.

И посему, зная всему цену,
Словно господь в мире господ и слуг,
Ты не предай, не покидай сцену
Нашу с тобой, северный мой друг.

Стынет в воде медный пятак,
Кто-то в беде, что-то не так,
Как тут помочь, если всю ночь
Споры.
Наговорил... Память вдогон,
Дверь отворил старый вагон,
Фирменный мой «Тридцать восьмой
Скорый».

И вот тогда, через года снова —
Праздник!
Над всей страной вздрогнет струной звук.
Сердцем простив, самым простым словом —
Здравствуй,
Ждёт нас домой северный мой друг.

В злобе и лжи не заглушить слова,
Словно господь в мире господ и слуг,
Время пройдёт и соберёт снова.
Весь экипаж Северный наш круг!

1999

Сибирь

Сибирь – и соло, и созвучие,

Уже давно пишу в тетради я.
А как поёт, а как озвучена,
Когда она ещё и радио.

Что гвозди русские и пряники?
Про нас не меньше песен сложено.
Мы сами драть умеем драники
Не в «Доме-2», а как положено.

Не греют нас программы новые
И все фиглярочки-проводочки,
Сибирь всегда была здоровою,
Когда она ещё под водочку.

И с удивительной природою.
И с богатейшими запасами.
И с духом крепкими народами,
Не покорёнными «лампасами».

В Сибири с Ермака до Путина
Лихие люди и раздольные,
Уздой, Ордою не опутаны,
Когда они ещё и вольные.

Европам нужно лет до ста расти
Со всеми теми геморроями,
А мы с рождения до старости
Живём последними героями!

Живём до самоокупания,
И каждый раз – святое правило:
Сибирь – она всегда компания,
Когда теперь ещё и «Авиа».

Да что там, без понтов и гавриков
Мы звёзды рассыпаем веером.
А что у них штампуют фабрики,
Сродни шаблонному конвееру?

Что нам – опять в портки и рубища,
Какая к чёрту антология?
Я б не тревожился о будущем,
Когда б ещё не экология.

Нет, господа, совсем негоже нам
Гулять по Англиям-Болгариям.
У нас здесь тоже унавожено —
Снега не белые, а карие.

И реки чем-то полноводные,
А можно и на горы пялиться.
Сибирь всегда была походною,
Когда она ещё под пятницу.

Четвёртый век – этап не маленький,
Уже по имени и отчеству.
А где-то там цветочек аленький
И Ломоносово пророчество.

И мы живём, желанья тискаая,
О нашей предсказанной участи,
Что прорастёт зерно сибирское,
А с ним российское могучество.

И это будет, без сомнения!
Пусть кое-кто кричит – уродина.
Сибирь – источник вдохновения,
Когда она ещё и Родина!

январь 2002

Университеты по-братски старшему брату Андрею

И в пятьдесят он столько лет на марше,
Он в нашей жизни – вечный пионер.
Он – старший брат. Он потому и старший,
Чтоб мне всегда показывать пример.

А началось у нас ещё до школы,
Мы с братом были – не разлей вода.
Всё поровну – игрушки и уколы,
И детский сад в те ранние года.

Нас в первый раз случайно разлучили:
Андрюху, как на службу, как в десант
По вовсе не понятной нам причине
Родители отдали в новый сад.

Мне ничего не объяснили толком,
Мне было три, но помню хорошо,
Как я за старшим братом, в самоволку
Сам в новый сад из старого ушёл.

С тех пор в одни и те же учрежденья
На пару лет позднее, по пятам
Я вслед за братом двигал с убежденьем —

Где он прошёл, я тоже буду там.

И не было проблемы в том вопросе,
В любых делах я там же, где и он.
Одно лишь жаль – он «музыкалку» бросил,
А я осилил тот аккордеон.

В леса, в походы ездили на пару,
На бардов тоже брат глаза открыл.
Он первым сам себе купил гитару,
А позже мне гитару подарил.
Потом он в институт прошёл успешно.
А мне куда? Туда ж, сомнений нет!
Поскольку не котирировался здешний,
Подался в Томский университет.

Так мы и шли по жизни, словно в шлейке,
В успехах повторяясь каждый раз.
Он первым приобрёл свою «копейку»,
А я напрягся, и купил «Луаз».

С жильём мы тоже скромно начинали:
Он в коммуналке бился пару лет,
А мне в общежитии комнату не дали,
Я просто перестроил туалет.

Потом Андрею повезло с «хрущёвкой»,
При этом зал, понятно, проходной,
И я, как говорится, ртом не щёлкал —
Расширился до комнаты одной.

И дальше не сдавали мы позиций,
Выдерживая равенство сполна.
И общих, и отдельных экспедиций
У нас обоих было дополна.

Он папоротник собирал в «застое»,
Я «на орех» – такой вот был калым,
А что до клюквы – это, брат, святое,
Тут мы вдвоём, под осень, под Нарым!

Ещё охота. Это я освоил
И как на вахту первым заступил.
Вот где азарт, с собакой, с зайцем, с воем!
Он даже дробовик себе купил.

Потом мы, то ли как-то постарели,
То ль я остался, а уехал он.
Встречаться стали реже, не горели
Хвататься каждый раз за телефон.

Когда же свежий ветер перестройки
Вдохнул в нас новый жизненный мотив,
Я хату отрабатывал на стройке,
А он подался в кооператив.

Курить он, кстати, очень рано бросил,
Хоть начинали вместе с детских лет.
Вот борода, усы, очки и проседь —
Наш эксклюзивный, фирменный портрет.

А дальше – я в Сибири, он в Поволжье,
Года бежали мерно день за днём
С удачей, и с бедой, и с даром божьим,
Что всё равно по жизни мы вдвоём.

Такой вот путь и разный, и единый,
Что начался когда-то в детсаду.
Лишь головы украсили седины,
И срок по жизни, а не по суду.

Мы движемся вперёд, с упорством, с кровью,
Не опасаясь грязи и трухи.
Он трудится на поприще здоровья,
А я в науке и пишу стихи.

август 2003

Болото

Сижу в болоте, разве не тону,
А захочу на берег протолкнуться,
То сразу слышу – Не гони волну,
Иначе все другие захлебнутся!
А как же быть, когда терпенья нет?
Хоть заржавел уже клинок булатный,
Я так хочу, как будто в туалет,
А туалет теперь повсюду платный.

Куда не сунься, доставай, плати,
А чем платить? В кармане три копейки.
Поэтому и некуда идти,
В болотной жиже, хоть тони, хоть пей-ка.
Но как, хотя бы маленьких побед
Добиться мне с остатками отваги?
Я до сих пор хочу велосипед,
Когда кому-то дарят «Гелендваген».

В моём болоте – кухонный галдёж,
И шеф – дурак, да и жена – мочалка.
И я – не золотая молодёжь,
Как воробей – не сокол и не Чайка.
И пенсия, как брошенный кусок.
Как с ней сегодня почивать на лаврах?
И я, как страус – голову в песок,
Ровесником умерших динозавров.

2003

Забытый сквер всем сибирским поэтам

Когда я прихожу в забытый сквер,
Где мной уже давненько не звучало,
Встаёт вопрос – На кой, скажите, ... ляд
Мне это всё перепевать сначала?

Ах, да! Друзья! Вон тот слегка похож,
А этот еле жив, а всё туда же.
Что делать мне среди знакомых... лиц?
Вдруг я опять не на того нагажу.

Приятней как обычно про себя,
Ну, под себя, уж если быть точнее,
Ведь только очень искренне любя,
Насочинять сумеешь покучнее.

Кому пиит. Кому простой фискал,
Но каждый раз, как в новое открытие,
Гляжусь я в свой чарующий оскал
В окладе поседевшего небрития.

Иных уж нет... А те – в чужом краю
Играют песни в зарубежном мире.
Я ж в нашем Томске до сих пор пою
Евреем юго-западной Сибири.

Не просто так пою, пишу стихи,
Делясь с друзьями всем, что накопело,
Не для того, чтоб скрыть свои грехи,
А чтоб душа и маялась, и пела.

Где племя молодое? Где оно?
Кому отдать перо на попеченье?
Кто не всплывёт, как в проруби... бревно,
А выгребет наперекор теченью?
И в упоенье дальше понесёт
Всё то, что раньше намолол Емеля,
Прекрасно понимая, мир спасёт
Лишь оптимизм российского похмелья.

Чтоб не пришлось поспешно отпевать,
Кого издать при жизни не сумели.
Ведь это ж сколько нужно выпивать,
Чтоб дети родились и повзрослели?

И чтоб успеть, очистившись от скверн,
Подраненным, но всё же не убитым,
Когда опять приду в забытый сквер,
Увидеть, что он тоже не забытый...

2002—2012

И снова Кемерóво муз. Ю. Визбора, Павлу Зайцеву и Кузбассу

Наш Паша юный, но лысеющий.
Тебя мы любим, мы же те ещё,
На прииске твоём редееющем
Свой поцелуй запечатлеть.

Мы ждём апреля, как спасения,
Чтоб как всегда порой весеннею
К тебе прибыть на день рождения
И что-то этакое спеть.

Карьерный путь у Паши долог был:
Он начинал лихим геологом,
Но, посчитав, что это дорого,
Он надавил на тормоза.
И до конца ещё не ведая,
Он гаражом своим заведовал
И, как обычно, не обедая,
Пылил «УАЗиком» в глаза.

Потом ему открылось виденье —
Он перешёл на телевиденье.
С тех пор его всё время видели
В огромном джипе за рулём.
На стойкость он держал экзамены,
Чтоб за три дня до Белокаменной,
И там с Валерою не камерно
И, вероятно, не вдвоём.

Всё это кончилось не сразу. Но,
То ль запретили, то ли сглазили,
И в руководство нефтебазою
Он сделал правильный занос.
И там под крышей Абрамовича,
С негласной помощью Петровича,
Сумел добиться в жизни – Во ведь чё!
Решил квартирный свой вопрос!

Но отказав в доверье, в визе ли,
Казалось бы, его унизили,
И с этой должности понизили,
Но это счастье, а не зло.
«Сибнефть» и «Юкос» – тема скользкая,
И по желанию «московского»
Пришили б дело Ходорковского,
Так что, считайте, повезло!

Иначе б со статьёю Пашиной,
С тоской детишек и Наташиной,
Со всеми день рожденья нашими
Мы бы расстались на года.
А так, не глядя на сумятицу,
Отправив все печали в задницу,
К нему, как водится, под пятницу
Мы соберёмся как всегда!

Мы все приедем без сомнения.
И, несмотря на наводнение,
Где грязи тоннами, не менее

Спустил наш родственный Кузбасс.
И если вырастит уродина,
Так потому она и Родина:
Со всех краёв, не наше вроде бы,
Всегда стекается на нас.

Тому никто не поражается,
Серёга с рифмами сражается,
И настроенье поднимается,
Мы едем, дайте только срок.
А Паша, пусть и не красавица,
Когда он с нами набирается,
То на гитаре всё играется,
Ну, прямо, Юрий Визборк!

И соблюдая все традиции,
И не нарвавшись на милицию,
С такими радостными лицами,
Мы ввалимся через порог.
Сюжет не скучный получается.
Пусть это счастье не кончается,
Пусть дни рождения случаются
Всегда – и в будущем и впрок!

апрель 2004

Двойной вальс

Я сегодня в сомненье двойном,
В две дороги мне выпали карты.
Окружают меня «два в одном»,
Унижают двойные стандарты.
 Когда их за двуличность винят,
 А оно никого не задело,
 То, конечно, осудят меня
 За чужие грехи, не за дело.

И тогда утопаю в вине
В состояньи высоком, астральном,
Где двойная мораль не по мне,
Где привычнее быть аморальным.
 Двоежёнство тогда – не порок,
 Не порок – двоевластие тоже.
 Просто жизни кончается срок,
 Вдвое меньше и дважды дороже.

Кто ж историю пишет за нас,
Где легенды запачканы кровью.

Где диагнозов полный запас,
Нет диагноза только здоровью.
Нет признания – дом и семья,
И идём мы ко дну как «Титаник».
Нет призванья, а кто ж тогда я?
Да, какой-то, простите, ботаник.

Постепенно в себе раздвоюсь
На две личности разные очень.
Ну, когда же уже изменюсь,
Чтоб по-новому видели очи?
Чтобы не потеряться совсем
И в общественном плане, и в личном,
Чтоб уже не завидовать всем,
Кто не в этой системе двоичной.

Чтобы не обезуметь сполна
От всеобщих партийных оваций.
Чтоб понять – жизнь дается одна.
Так каких мне ещё мотиваций?
Я благие советы учту,
Как не быть в положении убогом,
Как поймать мне крутую мечту
И пожить хоть немножечко богом.

Вот тогда, не покинув гнезда,
Все двустипшия пишутся мною,
А в итоге – двойная звезда
И гражданство почти что двойное.
И тогда мы не просто вдвоём,
И поём мы не только дуэтом.
Так давайте все вместе споём
За двойную зарплату при этом!

июль 2004-март 2006

Триады

размышления о троице

Нам разобраться в этих цифрах надо,
В тройном ключе, отнюдь, не проходном.
Нас окружают разные триады,
Всё чаще предлагают «три в одном».

Итак, есть три угла, и каждый важен,
Триптих богаче фабулы одной.
Всё, что по три – всегда важно! И даже,
Когда одеколон – и тот тройной.

Три О – не просто буквы, это трио,
Три Оли – не тусовка, а триоль.
И триппер можно получить игриво,
Когда с триумфом взял не тот бемоль.

Три русских буквы, ими дорожите,
Не посылайте всуе, до поры!
С трибуной и с трибуном не дружите,
Они меняют правила игры.

Тройничным нервом бьют по мне триады
С восхода и до утренней звезды.
И птица-тройка – вот моя награда!
А кто ж её не любит для езды.

Сословьем третьим правят лица трети,
Подростков так тревожит «Третий брат».
И троекратно мы опять в ответе
За суд третейский и триумвират!

Во времена мотыги и треуха
Лишь троица спасала от невзгод.
В отца, и сына, и святого духа
И верил, и ругался наш народ.

И возраст «тридцать три» – рубеж поспешный,
Его распяли, чтоб другим не дать
За тридцать тех серебряников грешных
Не только душу, а себя предать.

2004

Старый Томск

Старым Томском опять люблюсь,
И брожу я, слегка волнуюсь,
Перекрёстками тихих улиц,
Где пришлось нам с тобой гулять.
Где мы вместе рассвет встречали
Теми памятными ночами.
Где зелёной листвой качали
Ещё юные тополя.

Где вдвоём мы рассвет встречали
Теми памятными ночами.
Понимая меня, скучают
Поседевшие тополя.

А потом, не заметив как-то,
По желанью, не по контракту
Понесу я с Московским трактом
На Иркутский свою печаль.

Эта роль со времён кандалных,
И униженных, и скандальных,
Исторически актуальна
И, особенно, по ночам.

Эта роль со времён кандалных,
И потерянных, и скандальных,
Не отмеченная медалью,
Просто памятна томичам.

Я из Томска уеду летом,
Как всегда побродить по свету,
Как всегда поискать ответы
На вопрос, банальный вполне:
Может где-то в стране могучей
Мне удачу подарит случай?
Может где-то бывает лучше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.